

Как я стал писателем — эпизод 2

из 6

Я стал дуть в дудочку, но она не хотела петь, только сипела-плакала, — капало из нее на травку. А плотник звенел косой. Падали лопушки, крапива — мои «леса», звякало в них косою: зык-дзык... зык-дзык... Смерть им пришла — я знал. Смерть — очень страшное. Это я видел на картинке, у плотников, на стенке: смерть, из костей, с косою. Когда плотник устал косить, я сказал:

— Это ты у смерти взял косу?

Он вдруг посмотрел на меня страшными глазами, замахнулся косою на небо и зарычал:

— Я теперь сам смерррть!..

Это был первый ужас. Я заметался с криком. Меня унесли из сада.

Дудочка и коса... и смерть! Я помню: и страх и радость.

Помню я «переменки» в пансионе и старенькое лицо учительницы, Анны Димитриевны Вертес. Как я ее боялся в первые дни ученья! Я думал: оборотень она! За белой дверью, где учились большие девочки, она говорила непонятно:

— Мед-муазель!..

Иногда вскрикивала строго — будто понятное — «сортир», но это было совсем другое, а вовсе не то, что называется так у нас. Что значит «оборотень» — я знал от плотников. Она не такая, как всякий крещеный человек, и потому говорит такое, как колдуны. Стоя за ее стулом, я всматривался в ее спину и затылок, в кучку волос за сеткой. Перекрестить если, она опрокинется! Я незаметно крестил ее и шептал: «А ну, опрокинься!» Но она оставалась все такая. Потом я понял, что это — «столпотворение вавилонское». Батюшка нам рассказывал и показывал в книжке башню, почему стали разные языки. И я подумал, что и Анна Димитриевна строила большую башню и у ней смешались все языки. Я спросил ее, было ли ей страшно — «столпотворение вавилонское», и сколько у ней языков. Она долго смеялась, велела высунуть мне язык и показала свой. Нет, у ней был только один язык.

— Скоро и у тебя будет «столпотворение», — сказала она смеясь, — будешь учить Марго и, конечно, плакать.

Тут она позвала из-за белой двери большую девочку и велела «долбить Марго». Девочка плакала над книжкой и все долбила:

«Сеньор-бенил-увраж... Сеньор-бенил-увраж...»

Мне стало неприятно: если и мне так будет. Скоро я узнал многое.

Аничка Дьячкова, самая красивая девочка, выскочила из-за белой двери, взяла меня за ручку и крикнула:

— Пойдем, я научу тебя танцевать, хочешь?

Она завертела меня по залу, под музыку рояля, топала и кричала весело:

— И-раз-два-три... и-раз-два-три!.. и-раз-два-три... и-раз-два-три!..

Потом понеслась со мной по коридору, присела передо мной, как маленькая, дала мне изо рта мятную карамельку в рот и стала учить стишкам:

Рэгарде-машер-сестрица,
Кельжоли-идет-гарсон,
Сэтасе — богу-молиться,
Нам-пора-алямэзон!

— А, хорошее «столпотворение»? — спросила она меня, целуя.

— Хорошее... — сказал я, слыша, как пахнет карамелькой, — пропой еще!

Она пропела еще, и я без ошибочки повторил. Она взяла меня за ушки и поцеловала в губки. С тех пор, на уроке танцев, я с замиранием ждал, когда Аничка схватит меня вертеться. Так весь и обомлешь, как она разбежится через залу, раскатится в прюнелевых башмачках на тонких ножках, сделает мне так ручкой и присядет. Коричневое ее платье так и надуется и разъедется по полу, как веер, и мне почему-то стыдно, словно на нас все смотрят, и это очень нехорошо. И мы вертимся-вертимся... пока Анна Димитриевна не крикнет от рояля:

— Анэт, вы его совсем, бедненького, завертели, сэтасе!